

«ШКОЛЬНОЕ ПРАВО» — СТАРЫЙ РАССКАЗ СНОВА АКТУАЛЕН

Арсений Замостьянов

В многоугольнике отношений школьников, родителей, учителей и школьных администраторов всё актуальнее становятся правовые вопросы. Дело в том, что платное школьное образование давно уже стало реальностью — и тысячи семей в России готовы оплачивать учёбу детей-школьников. Где деньги — там и взаимные обиды, столкновения интересов. Нередки случаи, когда особенно активные родители, начиная защищать свои права, попадают в обременительную зависимость от адвокатов, которые предлагают всё новые и новые авантюры, защищая прежде всего собственный материальный интерес... Болезненная юридическая активность особенно часто встречается в США — в стране, которая если когда-либо погибнет, то наверняка — от собственного сутяжничества. Окажется, защита собственных прав может стать азартной игрой, которая затягивает сильнее игорного ража... И всё-таки правовые вопросы не могут не возникать в школьной жизни. Во многих случаях без них просто не обойтись — и это объективная реальность. Журнал «Народное образование» не раз ставил вопрос о физических и интеллектуальных перегрузках, обусловленных школьной программой. Нередко требования, предъявляемые к школьникам, выходят за пределы природосообразности, причём иные необходимые знания и навыки школьники не получают... Не получающие квалифицированного ремонта школьные здания не соответствуют требованиям техники безопасности — это тоже юридическая проблема. Кто знает, какие ещё дела, как говорят юристы, «получат судебную перспективу»? Пока же педагоги и школьные администраторы сталкиваются с адвокатами и судьями только в экстраординарных, обычно — печальных случаях. Язвы общественной жизни не могут миновать школ. И всё в том же многоугольнике совершаются проступки и преступления... Прямо или косвенно за них приходится отвечать и учителям, и родителям, и учащимся. Для редкой российской школы сегодня неактуальны проклятые вопросы детской наркомании, пьянства, детской преступности, броские образчики которой не сходят со страниц газет. Известно, что внимание прессы только подхлестывает «трудных подростков» на «подвиги». Малолетние хулиганы в залах суда им кажутся героями, а наказание не представляется страшным и неотвратимым. «Блатные» нравы, увы, сквозят и в массовом искусстве, которое подростки с удовольствием потребляют каждый день. Другая проблема, леденящая кровь родителей и учителей, — детский суицид. Нелегко предугадать и предотвратить этот нередко непоправимый шаг. И вот уже специалисты говорят об «эпидемии подросткового суицида». Авторы профилактических программ советуют школьникам: «Верь, что человек действительно может покончить с собой. Дай ему возможность рассказать, поделиться своей болезнью. От этого негативные чувства потеряют свою угрожающую силу. Говори свободно о его ситуации и мыслях о смерти. Давно ли они появились? Думал ли он о том, как это делает? Принимай их без осуждения. Дай ему возможность справиться со своими чувствами. Не торопись перейти к конкретному решению проблемы. Ищите вместе другой выход из сложной ситуации, который он не видит! Помоги ему увидеть альтернативы в его мире чёрного и белого, позиции «всё или ничего»! Помоги ему поверить в его способность к развитию, способность любить, смеяться. Помоги увидеть красоту и ценность жизни. Помоги поверить, что в ней есть не только боль и страдания.

Продолжение на с. 223.

исходит в таких случаях как раз то, о чём Ленин писал: формально правильно, а по существу издевательство...

Подавляющее большинство так называемых судебных ошибок связано именно с таким, чисто формальным подходом к делу, ошибок тем более опасных, что заметить и исправить их трудно — ведь со стороны формы в деле всё вроде бы правильно, все процессуальные нормы как бы соблюдены и закон применён точно. Вот откуда взялась горькая и глубокая народная поговорка — судить по совести, а не по закону. Поговорка эта сложилась давно, ещё в царские времена, когда действовали враждебные народу законы. Но в наше время можно сказать — судить и по совести, и по закону, потому что совесть и закон должны не только не противоречить, а, напротив, одна другим подкрепляться.

В результате тщательного расследования дела о самоубийстве Юры Колесова были установлены такие внешние обстоятельства: Юра был единственным сыном в семье Колесова. Он хорошо учился, но, перейдя в шестой класс, начал отставать. Это объяснялось тем, что Юра стал увлекаться спортом и не так старательно, как прежде, готовил уроки. Родителей вызвали в школу и предупредили о том, что мальчик стал хуже учиться. Отец Юры, привыкший к его школьным успехам, вернувшись домой, «крепко» поговорил с сыном, предупредив его, что если он не наверстает отставание, то будет наказан. Юра обещал подтянуться.

В тот трагический день, когда произошло самоубийство, Юра получил в школе тройку по физике. Оставшись после урока, он подошёл к учительнице и стал её умолять изменить отметку.

— Анна Петровна, не ради меня, ради папы сделайте, — лепетал мальчик. — Я ведь случайно не ответил — такой попался вопрос... Даю вам честное пионерское — всё опять выучу, всё повторю...

Молоденькая учительница растерялась. Она видела, как испуган и расстроен мальчик, и ей было искренне жаль его. С другой стороны, он действительно плохо ответил, и она подумала, что тройка заставит его лучше заниматься и поможет ему подтянуться. Наконец, как это нередко случается с молодыми педагогами, она очень заботилась о своём престиже и опасалась, что если она изменит отметку, то это нанесёт урон этому престижу. Да, мы часто в молодости своеобразно понимаем этот самый престиж и во имя его допускаем, увы, иногда ошибки, которые-то и подрывают его!.. Лишь много лет спустя, с годами, мы начинаем понимать, что только правда, доброта и человечность — основа подлинного престижа и что самые высокие авторитеты, созданные вопреки этой основе, неизбежно, рано или поздно, рушатся...

И Анна Петровна, сделав строгое лицо, отказала Юре. Он пришёл домой и на вопрос отца об отметке сказал, что получил тройку. Отец пришёл в ярость и выпорол сына. Мать, заплакав, выбежала из квартиры — она не могла этого видеть.

Предложи получить профессиональную помощь специалиста, даже если тебе удалось откровенно и открыто поговорить с другом». Чтобы эти советы не были проигнорированы, и учителям, и родителям нужно съесть пуд соли, выработывая верный стиль поведения. Более полувека назад, в 1963 году, писатель и следователь Л.Р. Шейнин написал рассказ «Тройка по физике». Написал, как говорится, по горячим следам реальных событий. Думается, обстоятельства этого старого дела — житейские и психологические — не остались в далёком прошлом. Мы узнаём в них знакомый архетип, актуальный, к сожалению, для любого времени. Писатель верил, что его читатели сумеют найти в себе мудрость — и предотвратить трагедию. В таких случаях учиться на собственных ошибках нельзя — и поэтому Л.Р. Шейнин делится с нами своим следственным опытом.

Лев Романович Шейнин (1906–1967), литератор и юрист, ответственный работник прокуратуры и киносценарист. Он слыл лучшим следователем Советского Союза, а уж популярность криминальных рассказов Шейнина, которые, как и рассказы о Шерлоке Холмсе, публиковались в газетах, была поистине массовой. Когда комсомолец Лев Шейнин со студенческой скамьи Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова был кооптирован в ряды следственных органов, советское право пребывало в стадии становления. От принципа революционной целесообразности наша страна переходила к кодификации законов. Выработывалась и этика работы органов. Если в первые послереволюционные годы в разные дни недели, в зависимости от политической конъюнктуры, за одно и то же деяние человека могли и расстрелять, и отпустить с миром, то уже с середины двадцатых такие нравы считались анахронизмом.

Лев Шейнин был из породы людей, заряженных на успех, на плодотворную и напряжённую работу. Их, комсомольцев двадцатых годов, пассионариев XX века, вела вперёд звезда прагматизма и роман-

тики, имя которой в России в последние годы снова стали повторять официальные лица — Эффективность. В перерывах между следственными делами Л.Р. Шейнин писал не только очерки, рассказы и повести. В 1937 году он сочиняет сценарий первого шпионского кинофильма в СССР — «Ошибка инженера Кочина». Этот фильм стал образцом жанра, набиравшего силы во всём мире, — и миллионы зрителей с наслаждением следили за приключениями отвратительных диверсантов и доблестных чекистов. «Ошибка инженера Кочина» не сходила и с театральных подмостков страны. Воспитательная роль кинематографа и театра неоченима: это юные зрители «Ошибки...» в 41-м остановили под Москвой железный каток немецко-фашистских армий... В роли чекиста снялся замечательный советский актёр, истинный любимец публики — Михаил Иванович Жаров. Ещё один герой поколения победителей, поколения, остановившего самую страшную войну в истории человечества. ...А перед войной дети играли в шпионов, повторяя сочные жаровские реплики и присказки. Как и другие энергичные люди, люди быстрой и блестящей карьеры, Лев Шейнин легко поддавался искушениям эпохи, и после 1956 года выяснилось, что профессиональной писательской рукой были написаны многие уголовные дела незаконно репрессированных граждан... Не случайно Л.Р. Шейнин считался любимым соратником яростного Цицерона тридцатых годов А.Я. Вышинского (последний в двадцатые годы нередко публиковался в старейшем журнале России, ныне носящем название «Народное образование»). Как бы мы ни относились к роли Шейнина в процессах 1930-х, опыт этого яркого, одарённого человека не следует сбрасывать «с корабля современности». Его «Записки следователя» переиздают и читают, а рассказ «Тройка по физике», в котором писателю удалось соблюсти точность в описании психологии героев, остаётся прекрасным пособием для учителей и предупреждением для родителей. ■

Потом они пошли в кино, куда заранее были приобретены билеты. Николай Сергеевич был мрачен — он жалел о своей вспышке. Когда они вернулись из кино, то увидели сына, повесившегося на дверной ручке. Его ноги были подогнуты и он как бы стоял на коленях. На столе оказалась его записка.

Расследование по поводу самоубийства Юрия подробно раскрыло обстановку в семье Колесовых и характер человека, который в данном случае был наиболее ответствен за случившееся.

Выяснилось, что на заводе, где работал Колесов, его любили как прекрасного мастера и справедливого, доброго человека. К чести коллектива завода, когда там узнали о несчастье в семье Колесова, все рабочие, техники, инженеры встали на его защиту. Конечно, они осуждали его поступок, который привёл к самоубийству сына, но вместе с тем очень дружно характеризовали Колесова с самой лучшей стороны, и характеристики эти в процессе следствия были объективно подтверждены.

Следствие выяснило, что Николай Сергеевич Колесов горячо любил своего единственного сына. Он мечтал сделать из него инженера. Да, Колесов был вспыльчив, как это часто случается с добрыми людьми, и именно этим объясняется то, что произошло.

Но теперь в пользу Колесова больше всего говорило его поведение. Он не только не защищал себя и не рассчитывал на снисхождение, а, напротив, продолжал просить ареста и делал это с такой настойчивостью и горячностью, что нетрудно было понять трагическую степень его безутешного горя.

Гибель сына, в которой он считал себя целиком виновным, привела его в то психологическое состояние, когда человек видит единственное спасение в самом строгом наказании и сам умоляет об этом.

Подобного рода реакции мне не раз приходилось наблюдать по делам о бытовых преступлениях, вроде убийств на почве ревности или убийств, совершённых в состоянии аффекта. И почти всякий раз обвиняемые по таким делам, жаждавшие своего наказания, оказывались добрыми и нравственно чистыми людьми, независимо от тяжких преступлений, которые в силу роковым образом сложившихся обстоятельств они совершили и которые, с другой стороны, им, конечно, нельзя было простить.

Вот почему мне хочется повторить, что всякий раз, сталкиваясь с такими обстоятельствами и с такими человеческими характеристиками, я думал о том, как ошибочно распространённое мнение, что криминалисту будто бы приходится иметь дело только с отбросами общества.

Скажу больше: мне приходилось несколько раз наблюдать обвиняемых, моральный облик которых при всём том, что они действительно совершили, был не ниже морального облика их следователей, обвинителей и судей, а иногда, к нашей общей беде, в чём-то и выше...